

Оглавление

ЧАСТЬ I ГРОЗНЫЕ ТЕНИ НОЧНЫЕ

Глава 1.	Визит встревоженного человека	11
Глава 2.	Подъезд кавалеров	23
Глава 3.	Дамы, монахи и паршивый белорусский романтизм	34
Глава 4.	Про женщину из прошлого, абелей в отставке и то, как чтение Евангелия не принесло никакой пользы, кроме моральной	52
Глава 5.	Человек исчез	70
Глава 6.	Короткая. О седом антикваре и «барыге»	90
Глава 7.	Что было сказано в «Новом Завете» и какую тайну спрятал в «Апокалипсисе» Иоанн Богослов...	95
Глава 8.	Опять гаснет небо	116
Глава 9.	Кладно. Дорога. Отрешение	134
Глава 10.	Идиллия в контрастах	140
Глава 11.	Белая Гора	164
Глава 12.	Начало поисков	181
Глава 13.	Совещание двух холостяков, одного вдовца и одного женатого	193

- Глава 14. Про безумцев и мелочи, не стоящие
и выеденного яйца 201
- Глава 15. Про новую хату, сбывшиеся сны и то,
как убивают человека и легко ли иному
двуногому совершить такое 222

ЧАСТЬ II

КАТАКОМБЫ, МРАК И ОГОНЬ

- Глава 1, в которой никто из «трех мушкетеров»
почти ничего не знает, а знающий
не может рассказать 231
- Глава 2, в которой я слишком много болтаю
и, вопреки логике, жалею провокатора 248
- Глава 3. Пред очами любви, очами безумства
и смерти 264
- Глава 4. Загадки и разгадки. Полковник,
лейб-медикус и прокуратор 289
- Глава 5, в которой я почти складываю лапы,
подвожу итоги поражения,
но своевременно вспоминаю
о некоей оптимистической лягушке 332
- Глава 6. «Где их следы, где твои следы?
Кто найдет их, кто найдет тебя?» 358
- Глава 7. Про жизненную необходимость
основательного изучения старославянской
грамматики и алфавита, про без пяти минут
докторов наук, которые тоже бывают ослами,
и про одну помощь, пришедшую
непоправимо поздно 383

Глава 8.	Два привидения в лощине нечисти и дама с черным монахом, или Паршивый белорусский реализм	390
Глава 9.	Цинизм трехсотлетний и современный, смертная кара за смертность одной души из трех и святое величие одного осквернителя праха	416
Глава 10.	Прощай!	430
Глава 11.	«И герб родовой разбивают на камне уж том»	434
Эпилог.	Конец «Подъезда кавалеров»	471

Часть I

ГРОЗНЫЕ ТЕНИ НОЧНЫЕ

С чего мне, черт побери, начать?

С того кануна весны, когда за окном были сумерки и мокрый снег?

А что вам до прошлогоднего снега и сумерек?

Начать с того, кто я такой?

А что вам, в конце концов, до меня, обыкновенного человека в огромном городе? И зачем вам моя самохарактеристика?

Сразу брать быка за рога и рассказывать?

А какое я имею право на ваше внимание? То право, что вы заплатили деньги? Так мало ли за какие паршивые истории люди платят деньги?

Разбегаются мысли. Все случившееся — оно ведь касается меня, а не вас. И надо это, пока что, не вам, а только мне. Разве только мне? Да, пока я не расскажу всего, — только мне.

Я знаю, с чего начну. Поскольку, до поры, это лишь моя история, я начну с самооправдания. И лишь потом перейду к тому, кто я такой и что случилось в тот снежный и мокрый мартовский вечер.

И — чтобы вы не сказали «а что нам до всего этого?» — я обещаю, что расскажу вам самую удивительную и невероятную историю моей жизни. А — может, потому, что это было со мной, — мне кажется, что это даже самая невероятная история, которая только произошла на земле Белорусской за последнюю четверть века.

В конце концов, судите сами.

Различные нелепые слухи ходят о ней, о моем преступлении, о том закрытом процессе, на котором я якобы был то ли подсудимым, то ли свидетелем.

Насчет подсудимого — чепуха. Не ходил бы я на воле, если бы был подсудимым. А поскольку дело было связано с убийством, с несколькими убийствами, то как-то слишком уж быстро я, подсудимый, воскрес на этой земле. Но тень правды была в тени подозрения, которая временно легла на меня.

Свидетелем я тоже не был. Был я действующим лицом. Возможно, слишком действующим. Порой больше, нежели следовало. Совершал глупости — и совершал разумные поступки. Путался и шел прямо к цели.

Но без меня «Ольшанская тайна» (номер дела со временем найдете в архивах) не была бы не только распутана, но не дошла бы и до середины развязки.

Ею просто никто не заинтересовался бы.

Тень слуха, тень сплетни тоже оскорбляет человека. И вот сейчас, спустя несколько лет, я могу наконец довести свой рассказ до конца, отдать вам, немного выстроив и скомбинировав, свои приведенные (преимущественно) в порядок записки. Никто не против, а меньше всего я сам. Распутан последний узел, все выяснено до определенности.

Что касается моей тогдашней (эта история слишком изменила меня) натуры, я ничего не исправлял. Пускай «Он» будет таким, каким был. Это ведь «Он» тогда переживал, думал и действовал...

Как меняется человек! Все новое, и новое, и новое наплывает на душу, новые мысли, взгляд, страсти, тоска и радость — и сам удивляешься себе, тогдашнему. И жаль себя тогдашнего. И невозможно — да и не хочется — вернуть былое.

Я отдаю вам его, я отдаю вам себя на суд строгий и беспристрастный.

Глава 1

Визит встревоженного человека

Фамилия моя Космич. Крещенный (это все бабка) Антоном. Отца, если хотите знать, звали Глебом. Мать — Богуславой. Занятие родителей до революции? Отец, окончив гимназию, как раз успел на Зеленого и Махно. Мать — года три как закончила играть с куклами.

Я даю вам эту развернутую анкету, чтобы не говорить долго. Анкету с добавлением милицейского описания примет. А вдруг чего-либо натворю. Особенно при моей склонности впутываться в разные приключения, на которые мне к тому же везет.

Мне без малого тридцать восемь лет. Старый кавалер¹, как говорила моя знакомая Зоя Перервенко, с которой у меня тогда как раз заканчивался — а пожалуй, таки заканчивался — короткий и, как всегда, не очень удачный роман.

Этакий старый кавалер, который из-за войны и науки не женился, а теперича уж поздно.

Жизнеописание этого старого кавалера подано пунктиром. На два года раньше, чем положено, окончил школу. Щенком с мокрой мордочкой. В сорок первом. Накануне. С выпускным балом, девчонкой в белом и вальсом до утра. Глупый, избитый, затасканный плохими писателями прием. Но тут так и было. К сожалению и к тоске. Так как в то утро две первые бомбы упали на почтамт и кинотеатр. Мы с нею были в кинотеатре, так что все это произошло на моих глазах.

¹ Кавалер (*белорус.*) — здесь и далее употребляется в значении «холостяк».

Глава 2

Подъезд кавалеров

Утром меня разбудил залиvistый крик петуха, а потом душераздирающее, надрывистое визжание поросенка: видимо, несли в мешке.

— Не хочу-у! Пусти-и-те! Пусти-ите!

Как в деревне. И каждое воскресенье мне вот так приятно. И это одна из причин, почему я люблю свой дом.

Приятно это сказать: мой дом, мой подъезд, мой двор. Особенно вспоминая войну, и как потом намучились с отцом по чужим углам, и как потом жили в одной комнате коммунальной квартиры с коридорной системой. А потом один. И вот два. И тут отца потянуло доживать в свой городок к своей сестре, а моей тете.

— Не могу. Как будто сделал свое дело. А тут еще каждое воскресенье петухи, коровы, кони — ну зовет что-то, и все. Если бы еще не район этот проклятый. А тут вижу — кабанчик, пестренький. Я ведь, казалось бы, горожанин, я ведь пахать не умею. А тут — ну хоть бы лопату в руки... Сирень зазеленела, земля пахнет, жирная такая. А на крыжовнике зеленое облако... Поеду к Марине. Там сад, будем вдвоем копошиться. А ты — только теперь, смотри, женись.

Он был прав. Даже мне нет мочи усидеть на месте каждое воскресенье, когда через тракт от моего дома открывается рынок живности: кони, коровы, свинья, золотые рыбки, овцы, голуби, кролики, лесное зверье, птицы, собаки и все живое.

До того как огородили квартал, дядьки с возами стояли себе на тротуарах, а здоровенные хавроньи, отвалив соски, лежали, милые, на газоне.

Однажды мой друг Алесь Гудас (а он живет на первом этаже) в воскресенье сидел за письменным столом, а прямо под окном его кабинета остановился воз. Дядьки что-то продали и решили замочить куплю-продажу. С горлышка. Увидели его и начали крутить пальцами у лба. И вправду, дурак немоченый: люди веселиться собираются, воскресенье, а он работает. Алесь покрутил пальцем в ответ, принес и подал им в окно стакан. Тогда они первому налили ему. Жена потом едва с ума не сошла: откуда выпивший? В домашних туфлях не выходил, в доме ни капли спиртного, а он смотрит и не слишком разумно улыбается.

Хороший уголок! Жаль, если рынок куда-либо перенесут. И, главное, в двух шагах от «деревни», от того уголка, занесенного на бульжную мостовую, улочка, дальше бульвар и шумный город. И дома и замужем.

С той поры как я не хожу на работу и путаю дни — крик петуха в воскресенье, сквозь доброе угасание сна, для меня как дополнительный календарь.

Осенью я защищаю докторскую. Два месяца законного отпуска да три неиспользованных за прошлые годы. Я много трудился, очень-очень много трудился, чтобы вот так, один раз, вволю побездельничать и делать то, что мне хочется. Книга вышла. Почти до сентября я свободен. Бог мой, никаких библиотек, никаких архивов, если только сам этого не захочу!!!

Я считаю, что короткий отпуск — глупость. Не успеешь приехать, размотать удочки, подышать — на тебе, собирайся назад. Не стоит и пачкаться.

И вот теперь я отдохну. Впервые, может, за двенадцать лет. Хорошо сбросить с тахты ноги, отворить в холод окно, промерзнуть, сделав два-три неуклюжих упражнения,

помахать руками и ногами (заменять настоящую работу, от которой звенят мускулы, гимнастикой — чушь собачья и бред сивой кобылы). Хорошо, когда струи воды стегают по плечам и спине! Хорошо, когда кожа краснеет от сурового полотенца! Хорошо, когда трескается о край сковородки яйцо, и верещит ветчина, и чернеет кофе в белой-белой чашке!

Хорошо отворить дверь на площадку своего третьего подъезда, «подъезда старых кавалеров».

А, все равно. Если уж надоедать, так надоедать! Если уж описывать людей, так описывать. Ведь почти каждый из нашего подъезда играл кое-какую роль в нашей истории.

В моем доме пять этажей и четыре подъезда. Мой подъезд третий. Зовут его «подъездом старых кавалеров» недаром. По несказанной иронии судьбы все мужики в нем (о незамужних девушках не говорю) либо неженаты, либо вдовцы, либо... Но это грустная история, и о ней не стоит в такое утро, когда снег растаял, когда воздух бодрый, а небо по-весеннему несмело и пронзительно голубое.

На каждом этаже у нас по две квартиры. Начну, конечно же, с моего этажа. Он самый важный не только в этом повествовании, но и вообще. Земной шар вертится вокруг эгоцентризма.

Дверь в дверь со мной живет Адам Петрович Хилинский, который иногда приглашает меня сыграть в шахматы и выпить рюмку коньяка. Прозвище соседа — «полковник в штатском» (мое почему-то Тоха, так называют нас все фраеры двора).

Кто он? Не знаю. И знаю это лучше других, ведь он несколько раз, прослышав о моих «исторических детективах» и, возможно, читая их, рассказывал мне различные случаи с целью, что вот бы мне то и то написать да сделать, так как пишут и делают неинтересно и мало. А я не мастак на такие дела, потому отмалчивался.